

МАМА **Воспоминания одного из детей войны**

Лет тридцать назад по проекту нашего ЦКБ строился металлический плавучий док в г.Клайпеда Литовской ССР. Судно было головным, вопросов при постройке возникало много, поэтому командировки в Литву не были редкостью. Две, три недели, а то и месяц проводили наши сотрудники на берегу Балтийского моря. В редкие выходные дни мы выезжали то в музей янтаря близлежащего известного курорта Паланги, а то и – в нечастые погожие дни – просто в живописные песчаные дюны балтийского побережья, иногда окунаясь в бодрящие волны.

Бывал в тех краях неоднократно и я, тогда инженер-технолог. В этот раз я с попутчиками уже возвращался из Клайпеды домой. Путь практически всегда был одинаков: автобусом до Паланги, там ждал маленький самолетик, едва не «кукурузник», он за полтора часа доставлял пассажиров до столицы Литвы – Вильнюса -- а там уже комфортабельный и могучий ТУ отправлялся в родные края, в Горький.

Между самолетами в Вильнюсе был промежуток в четыре часа, который мы, обитатели голодного Поволжья, старались использовать с максимальным толком для своих семей.

Наши походные сумки, сильно пахнущие рыбой, запасенной в магазинах Клайпеды, остались в камере хранения аэропорта, а мы, трое инженеров с молодой энергией ринулись в центр города за колбасными припасами. Тогда большой удачей считались добытые в командировке пара килограммов сосисок или вареной колбасы, а уж о полукопченой приходилось лишь мечтать.

И надо же, как нам улыбнулась удача: как раз в эти дни на главной улице города открылся новый продовольственный магазин с незатейливым названием «Вильнюс». Нам повезло: в продаже были и сосиски, и колбаса четырех видов. Постояв несколько раз в очередях («давали» тогда только по полкилограмма «в одни руки»), очень довольные, мы перешли от мясного отдела в кондитерский.

Местная фабрика производила очень красивые на вид шоколадные конфеты и удивительное печенье с шоколадом внутри. Все это богатство располагалось в изящных коробках с золотой надписью «С праздником Великого Октября!».

«Взяв» по паре коробок того и другого, мы вышли из магазина. Времени до вылета оставалось еще много, и ребята, первый раз бывшие в Литве, решили сходить в местный краеведческий музей, благо, он располагался всего в пяти минутах ходьбы и, к тому же, рядом с автобусной остановкой в направлении аэропорта. Мне же вдруг пришла в голову иная мысль.

«Ребята, я, пожалуй, прогуляюсь до главпочтамта, pošлю-ка сладости матери. Встретимся в аэропорту, не задерживайтесь, в музее есть на что посмотреть».

«Хорошо, - сказал старший из них, электрик Валентин, - и ты на часы поглядывай».

Главпочтамт находился недалеко, на соседней улице.

«Только бы не было много народа», - подумал я, направляясь к почте.

На мое счастье, день был будничным, и операционный зал почты выглядел пустынно. Я подошел к окошку, на котором было написано по-литовски (крупными буквами) и ниже по-русски (гораздо мельче): «ПРИЕМ ПОСЫЛОК, БАНДЕРОЛЕЙ».

За окошком сидела молодая женщина с традиционно прибалтийской внешностью: светлые некрашенные негустые волосы,

чистое лицо, едва тронутое косметикой и, даже в сидящей на стуле было заметно, что она высока ростом. Женщина внимательно рассматривала почтовые квитанции.

«Прашау», - по-литовски сказал я.

Она подняла голову и, как показалось, слегка улыbnулась мне.

«Подскажите, пожалуйста, как мне отправить эти коробки», - продолжал я по-русски и протянул ей конфеты и печенье.

При первых же моих русских словах подобие улыбки исчезло с ее лица.

«Запрещенных к пересылке предметов нет?» - довольно сухо спросила она, хотя прекрасно видела, что это лишь сладости.

«Нет, что Вы, близких людей не отравляю», - пытаюсь пошутить, ответил я.

Хозяйка окошка совсем сухо сказала:

«Можете послать ценной бандеролью».

Она достала плотную коричневую почтовую бумагу, ловко и быстро завернула мои подарки в нее, перевязала шпагатом и протянула мне:

«Напишите адрес и объявите цену».

Инженеру, проводящему за чертежной доской львиную долю рабочего времени, не привыкать к надписям, и я аккуратно и довольно быстро стал выводить на бандероли:

г.КУРСК ул. ЛЕНИНА дом 37 кв. 4

MAME.

Указав и цену, я протянул бандероль приемщице. Она как-то странно посмотрела на меня.

«Я Вас понимаю, -- голос ее вроде бы потеплел, -- у меня тоже есть мама, но Ваша мать не сможет получить Ваш подарок».

«Как не сможет?» -- я недоумевал, почему это моя мама не сможет получить маленькую посылочку.

«Нет, нет и нет!», -- уже неприветливо и как-то зло проговорила приемщица и стала удаляться от меня. Женщина и зал почты вдруг уменьшились до размеров небольшого черного жука. Жук полез мне в ухо, цепляясь лапками с маленькими ноготками за мою кожу, шевелил усиками и шептал: «Нет, нет, никогда!».

«Никогда!» Это слово вдруг возникло в моем мозгу, сначала тихо, неотчетливо, а затем все громче и громче, и вот уже набат бил мне по голове:

«Никогда! Никогда! Никогда!».

Еще не совсем проснувшийся, я все же стал понимать, что ведь мама уже давным-давно как не живет по этому адресу, да и больше десяти лет как она умерла здесь, на городецкой земле и похоронена на местном кладбище.

Все это как бы со стороны обрушилось на меня, и я проснулся.

«Мама, милая мама, да, я уже месяц не был у тебя, прости», - прошептал я, а воспоминания уже нахлынули и стали переполнять чувствами мое существо. Сон ушел, а пришли другие, явственные картины.

Милая моя, дорогая мама, как же поздно мы по-настоящему начинаем понимать, как дорога в нашей земной жизни мать! Нелегко вырастать без отца, без его умелых сильных рук, без его мудрого совета, просто без его науки жить и становиться взрослым. Но, если произошло такое несчастье в жизни человека, он еще только полусирота. А вот оставшись без матери – и в тридцать, и в сорок, и в шестьдесят лет – человек становится круглым сиротой.

Как же тебе трудно пришлось в жизни, моя мама!

Родила четверых, воспитала троих детей (маленький, Борис, умер, не дожив до одного годика), все они получили образование, дорогу в трудовую жизнь, родительское благословление для своего семейного очага.

Молодая, здоровая, красивая, «кровь с молоком», учительствовала ты в сельской школе в далекой Бурятии. В 19 лет вышла замуж за директора этой школы, в 20 – родила первенца, девочку Евгению, а затем вот троих мальчишек. Меня – очень не рано, в 31 год, так что я – последыш, любимый сын.

И не было мне еще двух лет, грянула она, Великая Отечественная. Отцу уже шел 42-й год, у него – слабые больные легкие, туберкулез, и все-таки в начале 1942-го его забрали в армию. Я был слишком мал, отца не помню и не знаю, говорят, он был добрый, высокий, с широкими «бурятскими» скулами. Я – не в него, весь в мать, русскую женщину с исконно русской судьбой. Ушел отец, хронически больной, плохо видящий, но ведь Отечество – в опасности!

Командир взвода зенитчиков, после ряда боев он попал «под Сталинград»...

...Проходят годы и годы. Отмечаются юбилейные даты. Чествуют ветеранов войны, дай Бог им еще пожить, да в славе и почете. Но ведь в каком-то высоком кабинете в лихую годину какой-то очень важный чиновник придумал гибкую формулировку: «без вести пропал».

И тысячи, и десятки тысяч, и сотни тысяч советских солдат очень удобно для государства подошли под это клеймо. Погибшие герои, защищавшие в самом прямом смысле до последней капли крови Родину, после своей смерти по воле этого клейма стали чуть ли не предателями. Попавшие в окружение целые наши армии, и затем перебитые поротно, повзводно, пропавшие, разбомбленные санитарные поезда, корабли, где их «личный состав»?

Плохая связь, исчезнувшие донесения, зачастую равнодушные штабистов, оформлявших «похоронки», да и те самые важные чиновники в высоких кабинетах – не вы ли калечили семьи погибших фронтовиков, навешивая им до конца жизни позорную, как раньше считалось, вывеску: «сын, дочь, жена, мать... ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ...».

Как же сэкономило государство на неврученных орденах и медалях, насколько меньше пришлось потратить на пенсии женам и матерям «пропавших без вести».

И моя мать, как тысячи и тысячи других матерей и жен, получала пенсию за отца не как за погибшего героя – защитника Отечества, а лишь как за «потерю кормильца». А семья наша, как и многие, и многие семьи, не знает, где покоится прах нашего не похороненного отца.

Ну, да Бог с ними, важными чиновниками. Их-то прах, наверняка, с почестями давно предан земле.

...А мать, что же мать?

А мать в 1943-м году осталась одна с тремя малолетними детьми, и главная мысль многие годы сверлила ее мозг: «как накормить голодные рты».

Да, мать, то, что ты пережила, это и есть материнское мужество, материнский подвиг.

А ведь тебе в год Великой Победы, в 45-м, было всего лишь 37 лет! Ах, если бы не проклятая война! Сколько же ты горя принесла, сколько сирот осталось после тебя!

И вот меня, полусироту, да еще сына «пропавшего без вести», не приняли в Курское суворовское училище, куда принимали после войны только круглых сирот.

Искала ли ты, мать, следы отца после войны? Ведь отец ежемесячно писал домой с фронта, мама сохранила эти треугольники с адресом полевой почты. Конечно, и мать, и старшая сестра писали во все военные архивы, но отовсюду был один ответ: «В списках убитых не значится...».

Как ты выжила тогда, мама? Сколько слез пролила, глядя на бледные лица твоих детей? Какое чувство унижения испытывала ты, прося у соседей «потолще» чистить картошку и затем из этих очисток варила еду для семьи? Соседи ведь жили совсем не богато, но у них отец ВЕРНУЛСЯ!!! с фронта. Какова была твоя зависть сотрудницам, не вдовам, у которых пусть и инвалидом, пусть без ноги или без руки, но пришел с войны муж.

Как глубоко надо было зарыть твое женское счастье, навсегда оставшись вдовой, никогда и в мыслях не принимать ничье «ухаживание», а ведь ты была еще не старой и очень даже симпатичной? Конечно, у мужчин после войны был большой выбор по части невест, но ведь если бы ты захотела...

...Вечная путешественница... Родилась в Литве, детство и юность провела на Урале, взрослую жизнь начала в Бурятии, недалеко от знаменитого озера Байкал.

... Чего стоят два длительных и протяженных путешествия, связанных с моим рождением.

Оба родных брата матери женились на родных сестрах, которые были родом из города Льгова Курской области. Братья и новая родня звали к себе в гости. И вот мать, будучи на 8-м месяце беременности, из Забайкалья отправилась через всю страну в Льгов. Благополучно родив меня, погостив у родных, через полгода она с маленьким ребенком поехала в обратный путь, теперь с Запада на Восток.

В войну же вся семья не усидела у Байкала и после освобождения Курска, летом 1944-го года, прибыла в полуразрушенный город. Все областное правление Курского промбанка, куда устроились работать и мать, и тетя Рая, помещалось в одной четырехкомнатной квартире.

Наша же многочисленная семья была устроена в однокомнатной квартире дверь в дверь с областным правлением. Комната наша была довольно большая, 25 метров, а жили в ней одиннадцать (!) человек – четыре женщины и семеро детей. Мужчины – на фронте, двое из них с войны не вернутся. На одной кровати располагалась бабушка с двумя внуками, на другой – семья из трех человек, которые ложились спать поперек кровати, подставляя табуретки под свисающие ноги. Остальные пятеро спали на полу вповалку. Коммунальных удобств не было никаких. Особенно донимало то, что единственный туалетный «скворечник» был построен на четыре (!) дома, что обычно создавало нескончаемую очередь. Зимой «скворечник» брали в кольцо окружения и «плясали» на морозе, а потом пулей летели в открывшуюся дверь.

Дом был старый, двухэтажный, с подвалом. До середины 50-х годов на стенах, ведущих в подвал, крупными буквами углем было написано над большой стрелкой вниз – «БОМБОУБЕЖИЩЕ». Конечно, затем этот подвал стал картофелехранилищем, но надпись долго пугала детей. Квартира была высотой четыре метра, обогреть ее зимой не представлялось возможным, поэтому вечером все собирались у горячей печки. Как в таких условиях можно было выжить, работать (взрослым), учиться (детям) – уму непостижимо. К тому же в год Победы родился еще один ребенок (у тети Рай), и стало совсем весело от неумолкающего детского крика, мокрых пеленок и ошалевших нервных взрослых.

Но стали возвращаться с войны дядья, и громадная наша семья постепенно начала разъезжаться.

Муж твоей младшей сестры, Райсы, Иван Петрович, один из первых

довоенных выпускников Горьковского института инженеров водного транспорта, вернулся с фронта с боевыми наградами, в чине морского капитана 2-го ранга. Дядя Ваня был назначен начальником Астраханского речного училища, и твои старшие временно стали астраханцами. Сначала сестра Евгения поступила в нефтяной техникум, а через 3 года и брат Юрий надел форму курсанта речного училища.

Выучились, а затем и проработали всю жизнь: сестра – инженером-нефтяником, брат – 33 навигации проплавал на судах

Волжского объединенного речного пароходства в качестве механика.

Ну, а я, поскребыш, с девяти лет остался вдвоем с матерью. Маме стало чуть полегче, и она умела сводить концы с концами.

... За городом Курскому промбанку, в котором мама с военного 1944 года работала рядовым инспектором, был выделен участок земли. Его посещали мы три раза в год: весной сажали картошку, летом – ее окучивали, а осенью – выкапывали всю мелочь. Ездили сразу все сотрудники на служебной машине промбанка, которую «выделяло» начальство. Никакой воды рядом с участком не было, и, конечно, никто ничего, кроме картошки, там не сажал. Посадим, ну, а там как Бог приведет, хоть какой-то урожай будет.

Часто мама ездила одна, жалея меня, малолетнего. Однажды в сухое жаркое лето мама снова поехала «на картошку» одна (я был в летнем лагере). Она плохо себя чувствовала и после двух часов работы поняла: «все, не могу больше». Легла она прямо на борозде и думает: «не встану, пока не поедут домой, сил нет». Полежала она так минут пять и начала сама себя уговаривать: «ну, что же ты, Валюша, ну соберись, ну вспомни, как тяжело было в войну, но ведь пережили. Ты ведь сильная, двужильная, вот еще чуть отдохнешь - и за работу. Есть-то что зимой будем?»

Так и «уговорила» себя, так и встала, так и окучила. Через «не могу», через боль.

Всю жизнь ты была совершенно не жадной, но очень экономной. Ты знала цену и берегла в самом прямом смысле каждую копейку. Всю жизнь ты записывала ежедневные расходы и подводила остаток. Ты очень скромно питалась даже на склоне лет, наискромнейше одевалась (а ведь ты была совсем недурна собой). Покупка, скажем, пальто происходила не чаще, чем раз в 15 лет, и это редкое событие обставлялось как большой праздник.

И при всем этом фактически благодаря тебе я смог закончить учебу в институте. Получая тогда (в 50-е годы) зарплату в 70 рублей, ты ЕЖЕМЕСЯЧНО (на протяжении 6 лет) посылала мне добавку к стипендии – драгоценные 10 рублей. Стипендия моя составляла аж 29 рублей. Неудивительно, что высшим лакомством я считал мороженое в вафельном стаканчике, а светским мероприятием – поход в кино.

... После окончания первого курса института мы поехали всем факультетом «на целину» и я, холодным октябрём возвращавшийся на недельные каникулы в родной Курск, сжимал в кармане честно заработанные 150 рублей и ощущал себя фантастически богатым человеком. Тогда,

впервые без твоей помощи, я купил себе костюм и часы, а тебе – лучшие советские духи – «Красная Москва».

И ты всегда гордилась своими детьми: старшими – потому что они выбрали трудовой путь и шли по нему всю жизнь без остановок, получив в итоге столько Почетных грамот, что, выйдя на пенсию, ими вполне можно было оклеить стены квартиры.

Ну, а меня – что ж, любимец, поскребыш.

Ты гордилась мною, что я рано пристрастился к чтению, что в старших классах меня хвалили на родительских собраниях в школе, что, начиная с 8-го класса все переводные экзамены и на аттестат зрелости я сдавал только на «отлично». Ты гордилась, что на выпускном вечере в школе мне вручили серебряную медаль «за успехи в учебе», что я легко поступил в институт и успешно в нем учился.

Ты волновалась и переживала, как сложится моя семейная жизнь, и как ты радовалась рождению сначала

первой дочери, Аленки, а затем и второй, Наташи.

Все наши семейные беды и огорчения, радости и приобретения ты проживала вместе с нами. Не одно лето ты «водилась» с нашими детьми, отпуская нас, молодых, то в путешествие на теплоходе по Волге - к брату Юрию, то в туристический поход по Кавказу – к сестре Евгении.

Ты всю жизнь вела со мной переписку и (о, чудо!) сумела сохранить сотни писем за десятки лет, тщательно разложив их по годам (бесценный рабочий материал для будущих историков и писателей).

Ты всю жизнь кому-то помогала чем могла. У бабушки (твоей матери) в 86 лет произошел инсульт, отнялась правая сторона тела. Чтобы обеспечить уход за ней и дать возможность поработать тете Рае, тебе пришлось оставить свою работу, переехать в другой город и 6 лет ухаживать за бабушкой.

Через 15 лет опасно заболел твой брат, мой дядя Леня, участник Великой Отечественной войны.

Кто будет ухаживать за больным? Конечно же, ты, ведь детей у дяди Лени не было. И несколько лет ты провела в Рыбинске, облегчая страдания больного раком брата.

Как «скорая помощь» в последние 20 лет твоей жизни, ты переезжала из города в город, помогая тем близким, кто наиболее в этом нуждался.

Самой маленькой частицей благодарности за твою бескорыстную жизнь постарались мы с женой помочь и тебе в нелегкие дни старости.

Когда ты, в 82 года, подвернув ногу на ковре в нашей квартире, сломала шейку бедра, мы заботились о тебе.

Почаще, чем вечно занятая жена, я приходил к тебе в больницу, где ты лежала на деревянном щите-растяжке, приносил что-то «вкусненькое», рассказывал новости, ободрял.

Переживал, срастутся ли и правильно ли срастутся кости, и постоянно думал, как научить тебя ходить после двухмесячного практически неподвижного лежания на спине на опостылевшем щите. Твое большое желание жить, моя настойчивость и твое упорство совершили, казалось бы, невозможное: ты научилась ходить после этого тяжелейшего перелома.

Вероятно, ты могла бы подольше пожить, мы выделили тебе отдельную комнату, но не физическая, а моральная боль убила тебя.

Ты не смогла пережить развал могучего государства – СССР – и не смогла осмыслить масштабы экономической разрухи.

В твоей голове не укладывались ежемесячные повышения цен буквально на все, причем не «на столько-то процентов», а «во столько-то раз». Ты, всю жизнь учитывавшая свои расходы, не понимала, как, допустим, хлеб, позавчера стоил 12 копеек, вчера – 2 руб.50 коп., а сегодня – 12 рублей!

Это казалось тебе нереальным, фантазмагорическим, чудовищным. Жизнь перевернулась в своем основании, в незыблемых традициях, понятиях.

Осмыслить и пережить это было выше твоих сил.

Голод тебя не пугал, тебя страшило нарушение стабильности, ощущения уверенности в завтрашнем дне. Тебе стало страшно не столько за себя, сколько за нас: как мы-то это время переживем?

И ты ушла, ушла спокойно, только вздохнув на прощанье. Хотя и была неверующей (но крещеной), накануне исповедовалась и приняла причастие от священника.

И похоронена ты в хорошем месте, у ограды кладбища, рядом с шоссе, по которому проносятся машины. Автомобили как бы передают привет тебе, вечной путешественнице, а ты спишь спокойно под сенью берез.

Мама, милая, дорогая, любимая! Если бы можно было продлить твои дни, вернуть время!

Конечно, я постарался бы не огорчать тебя (а сколько раз это происходило при жизни), я бы лучше, внимательнее ухаживал за тобой, я бы...

Эх, сослагательное наклонение...

Прошлого не вернешь и мать не оживишь. При жизни надо заботиться о больных и старых родителях, надо понимать их болезни и огорчения, их скромные просьбы и, казалось бы, смешные нужды.

При **ИХ** жизни...

А теперь, мама, я лишь навещаю твою скромную могилу, на памятнике которой выбито одно слово: «**СКОРБИМ**».

Навещаю не так часто, как мог бы.

Леонид Лисин

